

ВСТРЕЧИ | Стихи его были короткими и легко ложились в память

ВЛАДИМИР КАГАНИС,
член Союза журналистов России

Поначалу я должен был именовать его Геннадием Ивановичем — он был grand persona, то есть ответственным секретарём редакции «Магнитострой». Поэт Юрий Петров освободил его кабинет в связи с отбытием в Москву для продолжения учебы в литинституте, и там воцарился его преемник Габдулла Ахметшин.

Чернорабочие газеты

Как и все мы, рядовые чернорабочие газеты, он мотался по объектам стройки, отписывал материалы в очередной номер, но еще делал макеты — чертежи газетных полос из того, что мы выдавали в вечной погоне за новостями. А ещё — писал стихи, о чём мы даже мечтать не смели. Он был воистину *vir persona*.

Стихи его были короткими и легко ложились в память: «Это радость, / Что ты рядом со мной / И улыбка не затуманена, / В небе звёзды / Играют с луной, / Льются песенно / Думы Рахманинова». Тогда он преданно лелеял свою любовь Римму Галеевну, велико-лепного детского врача, мать будущих прекрасных двух его дочерей. Он ей посвятил стих «Орчанка», — она родом из Орска и, воспользовавшись «служебным положением», опубликовал его в нашем «Магнитострое». Вечный насмешник Юрий Петров немедленно откликнулся на его признания пародией «Портянка».

Зарафшанец из Магнитки

Так начиналась наша дружба в далеком 62-м году.

Его тихое и порой непо-нятное мне чисто татарское упрямство выводило меня из терпения, и я достаточно бесцеремонно высказывался на этот счёт. Одним из поводов послужила псевдонимность его имени-отчества «Геннадий Иванович». Поутру в выходной я однажды постучался в его дверь. Открыл мне невысокий, хрупкого телосложения аксакал. Стало понятно: отец. Чистый взгляд, лаконичная речь. Он сразу определил, кто я, с почтением отозвался о моем отце, попросил, чтоб мы не увлеклись продукцией из штучного отдела, и отбыл. А таковая продукция грелась у меня в пиджаке, и почувствовал я себя крайне неловко. Уже за столом начал высказываться, что у его отца красивое, как у всех татар, имя Нагим, и грех ему называться Ивановичем. Не сразу, но без возражений Габдулла принял мои доводы. Свою неправоту он признавал молча. И вообще больше помалкивал и больше делал.

Из «Магнитостроя» он перешёл под крыло Якова Ременника в промышленный отдел «Магнитогорского рабочего». Вливаться в «новый» коллектив у него необходимости не было: нашу шпану из многотиражек знали хорошо, как и мы корифеев из городской газеты. Наши материалы для

публикаций в ней брали охотно, было бы качество.

С шахматами по жизни

С Габдуллой мы общались постоянно. Обычно после невротического и насыщенного трудового дня мы не мчались в кафешку, а степенно пройдя сотню метров от редакции-типографии, приземлялись на часок у гостеприимного редактора городского радио Леонида Бинемана за рюмкой чая и обменивались новостями. Габдулла сразу садился за шахматы. С этими его шахматами я проехал насквозь весь Узбекистан и побывал в горах Таджикистана. На мою реплику из Маяковского «шахматы ему, они вождем полнейшей» он стойко не реагировал.

В быту с ним не всегда было просто, но почему-то легко. Месяц мы благостно прожили в гостях у щедрого остроума, нашего коллеги Леонида Ветштейна в окружении наших газетчиков, прибывших десантом в Навои. Много ездили по солнечному Узбекистану, праздновавшему пятидесятилетие своей советской республики, и — так получилось — не забывали о своей профессии. Мы с Габдуллой давали материалы не только в «Индустриальный Навои», но и в областную «Бухарскую правду». Спустя пару месяцев после воз-

вращения из Средней Азии моя жена с недоумением разглядывала почтовый перевод из загадочного «Бухоро хакикати» на 17 рублей — очень приличные по тем временам деньги. Моим заверениям, что мы с Габдуллой публиковались на узбекском языке, поскольку мы великие знатоки, она не поверила.

Узбекские мотивы

«Узбекские мотивы» Габдуллы иногда обретали не газетную, а стихотворную форму и тут же шли в печать. Вот мы поехали в пионерлагерь почти за сотню верст от Навои.

Пустыня, ущелье, каменные россыпи с наскальными надписями и платан — он же восточный чинар. Страшная вещь: мы вшестером, расставив руки, не могли охватить его. Утром

Габдулла положил стих. Я сохранил рукопись: «На сиянем теле древних гор, / Где даже тени, как подарок, / Горит — горит большой костер / Одной-единственной чинары. / Ей пламенеть и пламенеть / Торжественно и чуть красиво... / И медленно стекает медь / С её листы непогасимой...» Если это рифмоплетство, а не поэзия, плюньте в меня.

Через несколько лет он уехал в самую-пресамую пустыню — город золотодобытчиков Зарафшан, выпускать там газету. Первое время, приехав в отпуск в родную Магнитку,

обязательно навещал нашу семью. Нам всегда было о чём поговорить.

Забегая вперед, скажу: чем-то заманили его пустынность песчаных бархан, сухая, палящая жара летом и вольный ветер зимой. Непривычно было видеть холодную песчаную поземку над ровнехоньким дорожным ручьем асфальта от Навои к Зарафшану. И совсем уж обалдело выглядели среди песков высоченные бетонные стелы, держащие плиты с надписью: «Воды Аму-Дарьи работают на коммунизм». Через полчаса дороги после них как в мареве возникал многоэтажный красавец Зарафшан. Там прошли последние годы Габдуллы, там он похоронен. Оттуда мне привезли его стихи, часть будет опубликована впервые.

Последний привет

В Магнитке он известен был и как один из ведущих газетчиков, и как собрат поэтического содружества. В гости к Владилену Машковцеву меня приводил он. С Константином Нефедьевым меня знакомил он у себя дома. Он был авторитетным человеком и здесь, и в Зарафшане. В день его кончины Т. Москвина в «Зарафшанском рабочем» писала: «Твои стихи читали мы не раз, / Ахметшин всем фамилия знакома, / Так часто они радовали нас, / Желанным гостем были в каждом доме». Это был последний привет от Габдуллы летом 1997 года.

Родом из ссыльнопереселенцев, он окончил наш горно-металлургический. По образованию горный инженер, он лишь несколько месяцев проработал в Земстрое треста «Магнитострой», и уже не знаю, как мудрейший редактор Григорий Маркович перетащил его в газету. В наследство от Габдуллы мне досталась потом не только его должность — это была каторга, но и великое почтение к земстроителям и бетонистам — с них начиналась любая новостройка.

— Передашь привет Валеевым, возьмишь материал, — говорил он.

С его «визиткой» знатный прораб из бывших ссыльных, кавалер орденов Ибрагим Гатынович и его брат мастер Гайса Валеев учили меня, дурака, понимать, что такое по Ручьеву «вечной крепости бетон». С их легкой руки учили и другие. Я их помню, я им благодарен и сегодня.

А теперь похвалю сам себя: жена не хвалит, сын понукает: «Работай, папан, пиши, есть о чем». Мне спасибо за то, что я познакомил Габдуллу с Иваном Николаевичем Ткачёвым. Подружились мы с ним, когда я был токарем-слесарем на ММК: с его будущей красавицей женой мы заканчивали вечерний филфак пединститута. Затем меня направили в редакцию «Магнитостроя», и первым моим объектом была комсомольская стройка — аглофабрика № 4. А мастером ведущего стройуправления № 6 там был комсомольский вожак Иван Ткачёв. Остальное, думаю, ясно.

Горняк по образованию Габдулла моментально нашёл общий язык с выпускником Свердловского горного института Ткачёвым. До горного института у Ивана не заладилась учеба в Уральской консерватории, но музыкальной грамотой он владел не любительски — на баяне играл профессионально.

Нам неведом болотный покой

Короче: летним утром я собираюсь на очередной объект. Стук в дверь, и передо мной Иван Ткачёв во всей красе и больничной пижаме, — он находился на лечении в первой горбольнице. Он, видите ли, написал музыку, а уважаемый Габдулла слова. И надо это совместить.

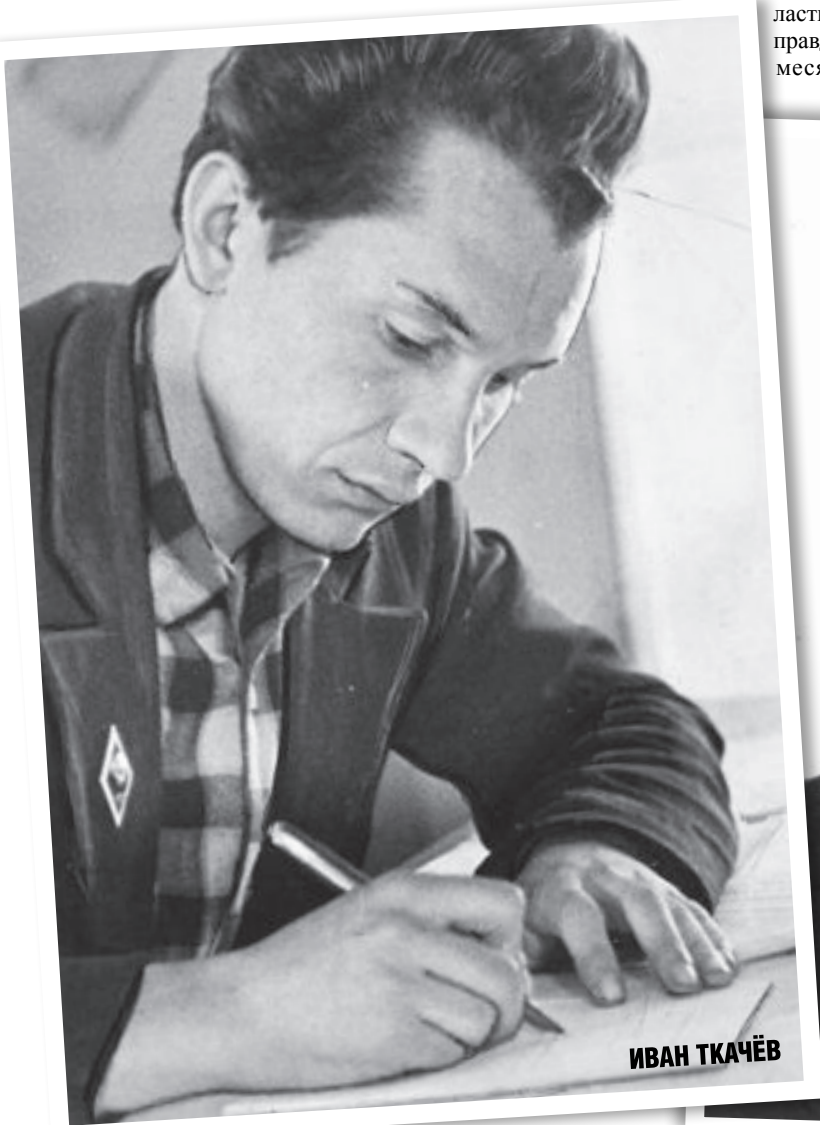
Время было — первая половина шестидесятых, на Магнитке одна комсомольская стройка сменялась другой. Вот в какой атмосфере мои друзья посчитали необходимым родить марш комсомольцев Магнитки. И его исполняли по городскому радио.

До сих звучит во мне торжественная мелодия нашей молодости. Помнятся первая строфа и припев:

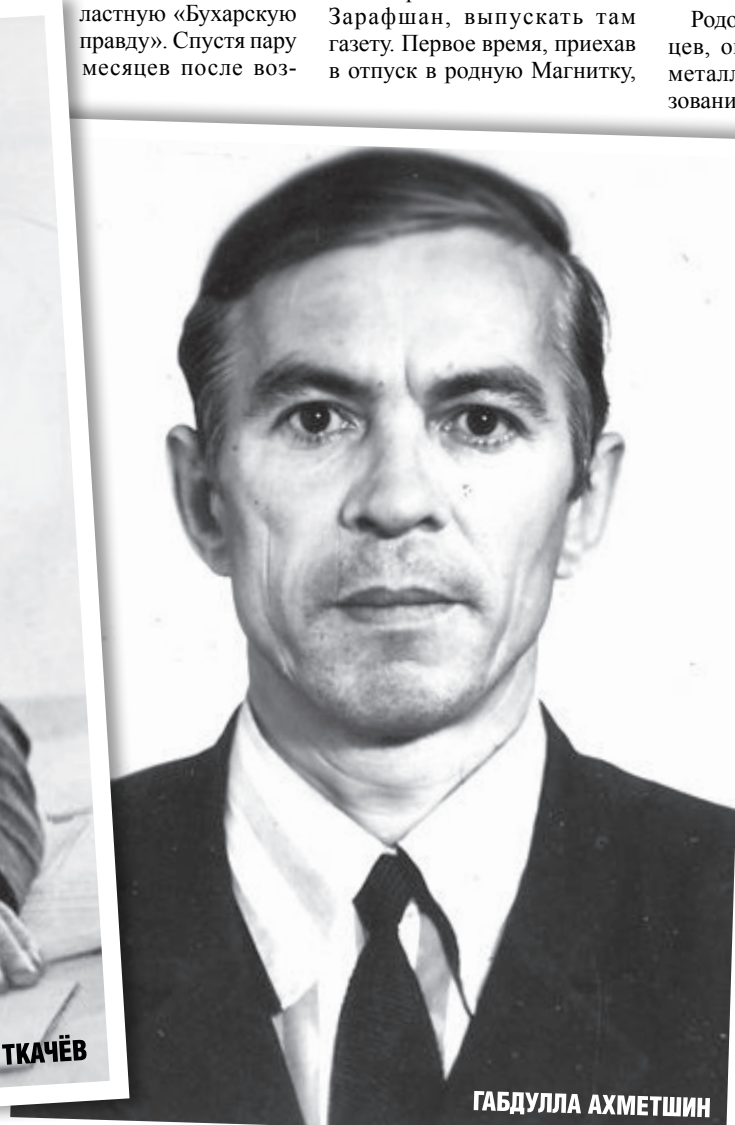
*Пышут жаром горячие
слитки,
Стройка в небо вздымает
леса.
Комсомольская юность
Магнитки
Трудовые вершит чудеса.
Нам неведом болотный
покой,
Нам по сердцу крутое
движение,
Ведь недаром гудок заводской
Нас зовет на большие
свершенья.*

Иван Николаевич Ткачёв ушел из жизни, едва прожив сорок лет, в должности заместителя начальника Главжуралстроя по особо важным объектам. Телевизу у нас и весь комплекс телецентра, кстати сказать, строили под его руководством.

Мои друзья жили по правде, не заботились о карьерном росте, но этот рост имели. От них остались воплощенные в жизнь объекты стройки, стихи и их дети. По-моему, неплохой посыл в будущее ☺

ИВАН ТКАЧЁВ

ГАБДУЛЛА АХМЕТШИН